
САША НАЙТ
ИЗМЕНА
БУЛОЧКА И СВЕКРОВЬ
против любовницы

Саша Найт

Измена. Булочка и свекровь против любовницы

https://litres.ru/74753847
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я беременна. От твоего мужа, — со злорадным удовлетворением заявляет нежданная гостья.

— И чего ты от меня хочешь?

— Разведись с ним.

— Даже так? Что-то ещё? — выгибаю бровь я, даже не шелохнувшись, не собираясь показывать ей свою боль и страх.

— Да. Собирай манатки и съезжай с квартиры. Пора уступить то, что должно было принадлежать мне с самого начала. Прости, дорогая, если открою эту правду, но я моложе, стройнее, и во всём превосхожу тебя. Будь гордой, уйди красиво сама.

***

«Дорогой, пока эта бамбула занята своими тортиками, встретимся на открытии твоего ресторана. У меня для тебя сюрприз!» — всё началось с сообщения, пришедшего мужу.

Как он мог так поступить? Разве так поступают люди, когда любят? Я же ношу под сердцем долгожданного малыша! Но отчаиваться рано. Помощь приходит оттуда, откуда я

совсем не ждала. Свекровь, что считала меня неподходящей невесткой, неожиданно встаёт на мою сторону, собираясь показать любовнице её место.

Содержание

Глава 1. 6
Глава 2. 13
Глава 3. 21
Глава 4. 29
Глава 5. 34
Глава 6. 41
Глава 7. 47
Глава 8. 54
Конец ознакомительного фрагмента. 61


ИЗМЕНА
БУЛОЧКА И СВЕКРОВЬ
против любовницы

Саша Найт
Измена. Булочка и свекровь против любовницы

Глава 1.

Кристина.

Осень, вторая пятница октября, утро. На улице тепло, греет солнце, но я не люблю осень. Сыро, промозгло, зябко, брр! Просто терпеть не могу. Искренне не понимаю, какое тут «очей очарованье»? Унылая пора, скучней которой в мире нет, когда три недели из четырёх за шиворот что-то капает, а обувь утопает в бесконечных лужах.

Но сегодня ничто не испортит моё настроение. Даже осень.

— Заждались? — адресую счастливую улыбку подругам, что уже ждут меня в модном стейк-хаусе на Самарском берегу Волги.

Яркая авантюристка Лиля, сейчас носящая модную стрижку «пикси» на блондинистых волосах, и миловидная, романтичная русоволосая Маруся — мои одногодки, с кото-

рыми мы сдружились ещё в первых классах школы. Вместе росли, вместе мечтали, вместе бегали на свидания, вместе переживали все трудности.

А сегодня встречаемся по особому поводу. Торжественное, долгожданное событие!

— Ну-у-у? Рассказывай давай, не томи, — нетерпеливо постукивая длинными чёрными с золотым напылением ноготками по деревянной поверхности ресторанного столика, требует Лиля.

Выдержав таинственную паузу, сажусь за свободный стул, между подружками. Из брендовой сумочки-конверта в цвете «маджента», достаю снимки УЗИ.

— Беременна!

Девчонки тут же разражаются поздравлениями, хлопая в ладоши. Конечно, знают, как я стремилась завести этого ребёнка. Он — моё будущее. В прямом смысле этого слова.

Сходя на приём в лучшую клинику города до встречи с подругами, ведь экономить на своём ребёнке я не собиралась, узнала на приёме радостную весть. Свершилось. Всего пять недель, но во мне зародилась жизнь — будущий человечек, у которого уже даже сердце имеется. Пол пока определить нельзя, но я жду сына и точка. Потому что, уверена — моему мужчине нужен наследник. И ему Субботин будет очень рад.

— Как думаешь, кто там у тебя? — растерянно любопытствует Маруся.

— Уверена, что мальчик. Должен быть мальчик. Похожий

на моего любимого. Так что не подведи меня, карапуз, — мечтательно задумавшись, нежно поглаживая животик, отвечаю я.

— Умница, Тина, я в тебе не сомневалась! Конечно, нужен мальчик. Уверена, так и будет!

Лиля приторно вздыхает.

Снова глажу живот, польщённая похвалой, и воодушевлёнными поздравлениями подруг, что никак не заканчиваются. В глазах собираются слёзы, и я аккуратно промокаю под веками пальчиками, чтобы не испортить свой идеальный макияж.

— Кристин… — тут же протягивает мне салфетку Маруся, мечтательно подпирая щёку рукой. — Дети — такое счастье!

— Конечно. Особенно от такого мужчины, как Субботин, — подхватывает Лиля, подмигнув мне.

Ой всё. Засмущали. Лилька определённо завидует, что я отхватила идеал, однако виду никогда не подаст. Но я-то её как облупленную знаю. Всё ещё держусь одной рукой за живот, второй стираю-таки выступившие слёзы. Всё гормоны, что б их!

К нам побегает официантка, вид у неё усталый, взмыленный. Неблагодарная работа у неё, сложная. Внутренне радуюсь, что моя судьба обернулась иначе и не приходится вот так впахивать в свои двадцать два.

Повод сегодня радостный, поэтому решаем отметить с

размахом, заказав всего и побольше. Я, совершенно нелюбящая тортики, пирожки и пирожные по определённым причинам, решаюсь на свиные рёбрышки и трюфельный камамбер с пряной грушей. Хотя хочется черемши и мочёного чеснока. Но такую еду я себе позволить не могу, чтобы не шокировать своего мужчину «амбре» после солений. Я всегда должна быть для него идеальной.

— И что Субботин? Уже обрадовала его новостью?

Лиля слишком любопытна и прямолинейна. Вздыхаю, судорожно сжимая пальцы. Несколько минут мы сидим в тишине, а потом я всё же решаюсь ответить на этот вопрос:

— Нет… ещё не успела…

Лилька с недоумением глядит на меня, приподнимая густую левую бровь вверх. Отмахиваюсь от её жеста рукой, продолжая поглаживать живот. Интересно, ребёнок уже чувствует, что эта мадам его будущая крёстная мама? Он рад или разочарован?

Маруся берёт мою ладонь в свои тёплые руки. Её бровки сложены домиком, нижняя губа немного дрожит. Заметно, что подруга переживает.

— Конечно, он ведь занятой человек, у него работа. Уверена, он будет очень рад, как только ты сообщишь о малыше…

— Да, работа. Снова важный контракт.

Я смотрю на подругу, не скрывая тревоги и печали. Субботин мужик занятой. Известный ресторатор, но я в его де-

ла не вникаю. Мама всегда говорила, что бизнес — мужское дело. Но в последнее время он всегда так занят, работает допоздна, звонки сбрасывает. Даже сегодня, когда отправила ему с утра свои фото, не написал ничего. Но теперь всё должно измениться, ведь я ношу под сердцем его ребёнка.

Я думала отправить ему сообщение после приёма, прикрепив фото с УЗИ, но захотелось сказать лично. В такие моменты хочется видеть радость в глазах будущего отца. А по смс-ке как-то бездушно.

— Главное, не тяни с новостью, — строгим тоном добавляет Лиля, разливая чай и ставя передо мной наполненную облепиховым напитком кружку. — Чем быстрее осознает, что он теперь отец, тем быстрее начнёте готовиться к рождению. А там же миллион всяких вещей нужно…

— Ага, — умилённым воркующим тоном поддакивает Маруся. — Пелёночки, распашонки, все эти чудесные малюсенькие носочки!

— Пелёнки и распашонки — дело третье, — отрезает Лилька, смотря на меня. — Важнее всего палата в больнице. Субботин не должен оставлять мать своего будущего ребёнка рожать в каком-то отвратительном бесплатном роддоме. Тем более в палате с какой-то чужой женщиной-соседкой. А ещё коляска. Говорят, это самое дорогое. А тебе определённо нужна лучшая! Видела у одной блогерши коляску «Луи Виттон», вот он статус!

— Какая разница, какая коляска? Главное, чтобы была

удобная, — спорит Маруська.

— Большая, зайка. Ты ещё такая наивная. Субботин богат, значит, и своему ребёнку должен дать самое лучшее. Сам разъезжает на «БМВ» по цене квартиры. Коляски «БМВ» тоже есть, к слову. Вот пусть и покупает сыну. Да, Тинка?

— Ага…

Я всё ещё витаю в своих мыслях на тему того, как лучше сообщить любимому радостную весть, но соглашаюсь. Коляска у нас должна быть самой лучшей, как и всё остальное для моего малыша.

Подружки, подмечая мою печаль, всячески стараются меня поддержать. Рада, что они у меня есть. И что они первые, кто узнал важную новость, которая в корне изменит мою жизнь.

Дальше завязывается разговор на различные темы. Вспоминаем молодость, школьные годы, сплетничаем про одноклассников, а после про сокурсников, с кем учились в Самарском социально-педагогическом колледже. Лилька, как всегда делится наболевшим, а конкретнее — неудачными поисками «идеального» жениха. Маруся же, как обычно, думает лишь о своей работе. За тёплым щебетом время пролетает быстро, уже почти полдник. Вот так удивительно можно потеряться во времени, когда рядом самые родные люди.

Потерявшись в собственных мыслях, упуская в итоге нить разговора, машинально поглаживая живот, я не сразу слышу насущный вопрос, заданный Лилей. А когда понимаю, что

именно она спрашивает, вырывая меня из мечтаний, уставляюсь на подругу:

— Ты сегодня встречаешься с ***ней?***

В тишине, не находя слов для продолжения, подружки смотрят на меня. Я же, молчу пару минут, словно собираясь с духом. Облизываю пересохшие губы, и произношу:

— Да. Вечером…

Глава 2.

Милава.

Просыпаюсь довольно рано даже по моим меркам. За окном прекрасная погода, лучи тёплого осеннего солнышка не пекут, но золотят желтеющую листву и мою собственную макушку. Осень, в этом году, кажется, наступила очень поздно. Но всё же, сейчас вторая пятница октября, и некогда ярко-зелёные сочные листья быстро превратились в различные оттенки тёплых оранжево-жёлто-красных тонов, украшая Самару и я совсем не возражаю этому.

Осень — мой любимый сезон. С её яркими красками, наряду с прохладным свежим воздухом.

Александр ещё спит. Присев на постели, вожу босыми ногами по полу в поисках пушистых домашних тапочек. И как только нахожу, резко вскакиваю с постели, потому что голова идёт кругом, а к горлу подступает тошнота. Опираясь рукой о комод, а после за стенку, спешу со всей возможной скоростью в ванную комнату.

Белый товарищ издевательски сверкает идеальной белизной и чистотой, пока меня выворачивает наизнанку. Спустя десять минут, скрываю все следы, навожу быструю уборку и принимаю душ, прекрасно зная, с чем связано моё «рандеву» с унитазом, представляю лицо Саши, когда вечером устрою ему сюрприз и наконец-то расскажу радостные вести.

Хочу сделать всё красиво и креативно. Чтобы запомнилось!

Любимый наконец-то проснулся, и привычно поцеловав меня в макушку, ушёл в душ. Мой муж любит начинать утро с чего-то в стиле английского завтрака, потому принимаюсь за готовку. Бекон, колбаски, помидоры, грибы и фасоль в соусе. Всё пахнет аппетитно, но не для меня сейчас. Терплю. Глазунья из двух яиц, как всегда идеальная, но обязательно под крышкой, чтобы желток затвердел — он ненавидит жидкий желток.

Перевожу вопросительный взгляд на телефон Александра, что вибрирует уже в десятый раз. Стараюсь отвлечься на готовку завтрака. Наверняка что-то опять по работе.

Последние штрихи: засыпать зёрна в кофемашину, дабы та начала готовить капучино, и поставить тосты в тостер.

Телефон мужа снова издаёт вибрацию, и я не выдерживаю, подходя к столу и смотря на экран, на сообщения в мессенджере. И в эту же секунду, он появляется на кухне в банном халате, беря смартфон в руки, как будто даже не замечая мой любопытный взгляд.

— Что за женщина пишет тебе, Саш? — голос едва слышный, а вопрос слетает с губ на выдохе, когда я пытаюсь разглядеть что-то через его плечо.

Испуганно смотрю на любимого, ощущая свинцовую тяжесть в ногах. Александр быстро убирает телефон в карман халата, лишь протяжно вздыхая, не скрывая своего недо-

вольства, отчего возникает чувство, словно меня ударяют под дых.

— Понятия не имею.

— В таком случае, почему твоя «понятия не имею» шлёт эротические фото?

— Мил, ну что ты как маленькая? — потерев пальцами переносицу, Сашка морщится, точь-в-точь как из-за мигрени. — Столько ботов сейчас, как будто сама не знаешь. Тем более, твой муж богат и красив, мало ли какая охотница за деньгами положила на меня глаз, м?

Рассмеявшись, отвечает он, приобнимая меня одной рукой, а второй рукой потрепав по щеке, как любил делать всегда. Он смеётся? Смеётся и подтрунивает надо мной. Это хорошо? Наверное, хорошо.

И правда. Номер какой-то скрытый, вместо ника — смайлики, а фотографии без лица, лишь части тела в белье и соблазнительных позах. Видимо, на меня просто гормоны влияют, и я становлюсь слишком ревнивой и мнительной.

— Странная ты в последние дни, любовь моя, — добавляет муж, лёгким касанием губ оставляя на моей щеке поцелуй и садясь за завтрак. — У тебя всё в порядке?

Странная? Да, вполне возможно. Сашка в последнее время снова так занят на работе, чтобы заметить какие-то изменения. Сейчас период такой, важный проект, последние дни любимый заявляется домой к трём часам ночи, заваливаясь спать на кровать, даже не переодевшись. И, если сей-

час замечает изменения во мне из-за слегка беременного состояния, значит, всё действительно плохо. Скорее бы вечер! Больше ждать невмоготу. Сделаю сюрприз сегодня.

Муж, тем временем, закончив завтрак, подходит ко мне со своей обворожительной улыбкой, и, прощаясь, чмокает в макушку, уходя на работу.

Долго над сюрпризом любимому не раздумываю. Если уж делать, то искренне, от души. Так почему бы не сотворить то, что я умею лучше всего?

Завязывая фартук за спиной, я поворачиваюсь лицом к окну кухни. Октябрь в этом году радует погодой не только меня, но и Самарских синоптиков, поднимая настроение. Это замечательно. Нельзя приниматься за дело, будучи в дурном расположении духа. А кондитерское дело — тонкое. Уж это я знаю не понаслышке, имея собственную небольшую кондитерскую напополам с партнёром.

Пока просеиваю муку через сито для малиново-фисташкового торта, дабы насытить её кислородом, вспоминаю, какой неожиданностью стала моя беременность. Мы с Сашкой женаты уже восемь лет, я ещё двадцатилетней студенткой была, когда вышла за него, а Александру стукнуло двадцать пять, и он только начинал карьеру. Сначала мы хотели пожить для себя, развиваться, чтобы зачать малыша уже в сознательном возрасте, когда у обоих будет стабильная карьера, деньги, недвижимость. А потом… не получалось. Сколько ни пробовали, хоть и оба здоровы, забеременеть у меня

не выходило. И вот, наконец-то!

Тихо напевая под нос незатейливую мелодию, смешивая в ковше сливочное масло, молоко и фисташковую пасту, ставя всё на огонь, представляю, как любимый будет счастлив узнать столь радостную весть. Будет же?

Соединяя сахар с лимонной цедрой, а потом с яйцами, взбивая, размышляю только о том, как бы поэффектнее сказать мужу о том, что он скоро станет отцом. А ещё придётся сообщить свекрови, но о ней сейчас думать совсем нет желания.

После добавляю немного лимонного сока, горячую молочную массу и муку с разрыхлителем, разливая всё в формы для выпечки и ставя будущие бисквиты в духовку, отвечаю на вызов.

Звонок подружки Ленки, с которой мы учились вместе в СГКСТД, как нельзя кстати.

— Итак, всезнающая нейросеть подсказывает «зеркальный способ», — пытается помочь мне Лена по громкой связи, побуждая меня внимательно прислушиваться, растворяя крахмал в воде с малиной и сахаром.

— Это как?

— Просто! Напиши на запотевшем стекле в ванной «Ты скоро станешь папой!» перед тем, как Александр пойдёт в душ. Классная идея, как считаешь?

— Интересная мысль. Что ещё советует твоя нейросеть?

— Смс-ка от «Аиста». О! Можешь добавить меня в его

контакты и записать «Аист», а я пришлю ему что-то в духе: «Я в пути, ждите через шесть с половиной месяцев». Просто прелесть!

— Нет, Лен. Что-то не то.

— Испеки ему тортик с тестом? — хихикает подруга.

— Ужас! Это не гигиенично! — округляю глаза я.

— Тогда просто тортик с надписью: «Ты будешь папой».

— Уже пеку. Но нужно что-то ещё…

Пока малиновая начинка остужается, а бисквит печётся, я принимаюсь за крем, соединяя сливки, творожный сыр, сахарную пудру и ванильную с фисташковой пастой, взбивая всю смесь.

— Смени обои на его телефоне или ноутбуке на снимок УЗИ! Тогда сразу поймёт, что к чему.

— Мне нравится. Ты гений, Ленка! — расплываюсь в благодарности я, доставая бисквиты из духовки. Выглядят идеально.

— Представляю, он посмотрит на экран и сразу побежит к тебе, а ты ему десерт с надписью. Уверена, Александр будет вне себя от счастья!

Слегка прикусываю внутреннюю сторону щеки, вздыхая. Нервничаю. Очень. Ждать, пока Сашка вернётся с открытия своего нового ресторана, и я смогу добраться до его телефона — долго. А в ноутбук свой муж заглядывает всегда перед сном, дабы проверить почту. Так что решено.

Попрощавшись с подругой, пропитываю бисквиты и за-

нимаюсь сборкой торта, а далее выравниванием крема. Затем декор: растопленный белый и карамельный шоколад с зелёным красителем заливаю в формочку в виде детской пустышки. И напоследок — творю из шоколада с розовым красителем заветные буквы. Остаётся только отправить всё в холодильник.

Довольная результатом, осматриваю прекрасную работу. Кондитерское дело для меня — настоящее искусство.

Создавая, я хочу дарить улыбки. И во время создания сладостей, будь то торты, эклеры или конфеты, я ощущаю себя почти волшебницей, что подарит клиенту сладкое счастье. Особенно это ощущается, когда доходит до декора. Тонкая лепка из мастики, нежные завитушки из шоколада, узоры из карамели, присыпки из разнообразных ягод… Сотни вариантов, простор для фантазии необъятен. Но приятнее всего мне готовить для любимого мужа, ведь нас связали именно кондитерские изделия однажды.

Хочется написать ему или позвонить, но Сашка сейчас определённо занят в офисе, разгребая документы. И я не хочу мешать.

Как и планировала, иду в его кабинет. Вставляю флэшку, меняю обои на снимок УЗИ, и уже собираюсь выключить ноутбук, как замечаю, что автоматически загрузился и открылся мессенджер Александра. Я не из тех, кто любит лазить в чужих переписках, но замираю, когда на экране всплывает очередное сообщение от того же профиля, со смайликами

вместо подписи, что слал ему фотографии утром:

«Дорогой, пока твоя бамбула занята своими тортиками, встретимся на открытии твоего ресторана. У меня для тебя сюрприз!»

Глава 3.

Кристина.

— Не волнуйся так, зай, тебе нельзя нервничать.

Лилька в попытке поддержать, кладёт руку на моё плечо. Я же перевожу дыхание.

— Думай о ребёнке. Ты всё сможешь, мы верим в тебя, правда, Маруська?

— Да, конечно… — отвечает Маруся, и в её голосе сквозит заметное беспокойство, скрыть которое у подруги не получается.

— Спасибо, мои дорогие.

Я подмечаю хитрющую улыбочку Лили и не могу сдержать довольную улыбку в ответ.

Знаю, что справлюсь. Больше ничего не встанет на моём пути. Сегодня важный день не только потому, что я подтвердила беременность. Сегодня я встречаюсь со своей единокровной сестрой по отцу, чтобы сообщить этой старой бесплодной стерве, что я беременна от её мужа и ей пора свалить в закат, освободив ***моего мужчину***.

— Кристин, будь с ней помягче… — пугливо подаёт голос Маруся, намекая, и замирает. — Ты ведь… — подруга как-то расстроенно вздыхает, будто бы вся тяжесть мира обрушивается на её хрупкие плечи. — Как-то это неправильно… Может быть, пускай они сами разберутся в своей семье?

— Неп-ра-виль-но? — закатывает глаза Лиля. — Ты что же, жалеешь ту бесплодную старуху, а не Тину?

— Ей всего двадцать восемь… И если у неё нет детей, не значит, что она бесплодна…

— Всего? Почти тридцать! Это старость и точка. Хотела бы удержать мужика, родила бы. Не может — другая родит. Или считаешь наша Кристина хуже той толстухи?

— Конечно, нет. Но… ещё моя бабуля говорила: «Чужая шуба не одежда, чужой мужик — не надежда»…

— Ой, всё, Маруська. Говорю же, наивная ты ещё, жизни не знаешь! Ещё заведи песню о том, что нужно думать о чувствах той тётки, а не о своём счастье.

— Она же её сестра…

— Единокровная! Считай, неродная. Да и о чём говорить, если уже всё случилось?

Опять двадцать пять. Подобный спор происходит не в первый раз, поэтому Лиля лишь фыркает, а я качаю головой. Маруська — хорошая подруга, я её очень люблю. Но видит она мир только в чёрных и белых тонах. Такая святая простота, считающая, что нужно поступать «правильно», думать о других. Вот только что оно это «правильно»? У каждого оно своё. И моё — именно такое. За своего мужчину я буду бороться. Конечно же, он выберет меня. Как не выбрать? Помимо того, что я моложе, худее и красивее сестры — от одного этого слова тошно — я будущая мать его единственного ребёнка!

— Что ты от меня хочешь, Марусь? — с некой злостью смотрю на подругу, и та тут же сникает под моим взглядом. — Не лезть в семью?

Она ставит свою кружку с чаем на стол, расправляя плечи. В глазах Маруси на миг сверкает надежда, что я всё-таки последую её совету.

— Мне, по-твоему, довольствоваться ролью любовницы, алиментами и подачками в виде подарков?

— Твои «подачки» стоят больше, чем мой месячный оклад…

Подруга кидает взгляд на мою брендовую сумочку.

— Умерь зависть, Маруська, — вмешивается Лиля.

— Я не завидую.

И она не врёт. Как всегда, скромна, даже несмотря на то, что из нас троих её семья самая обеспеченная, если можно назвать обеспеченной семью в той глуши, в которой мы родились и выросли.

— Но я волнуюсь за тебя, Кристин. Она твоя сестра, родной человек. А он её муж… не понимаю, как тебя одно это не остановило.

— Родная? То, что у нас один отец — ничего не значит. А штамп в паспорте это всего лишь формальность, которая легко решается разводом. Тем более, раз вспоминаем бабуль, то моя говорила: «Мужик налево не пойдёт — пока баба не доведёт»!

А если сама не доведёт, то можно и подсобить немного.

— Но… — Маруся смотрит на меня с сомнением, кусая губу и выглядя растерянной, как будто сама стоит на перепутье дорог, и несмело спрашивает, то, на что раньше не решалась:

— Почему именно ***он***? Почему не кто-то свободный, а не её муж?

— Потому что мне нужен именно он? — мои брови взлетают настолько высоко, насколько это вообще возможно. Тихий смешок слетает с моих губ, и я удивлённо смотрю в глаза Маруськи, не понимая, почему она не осознаёт, что я права. — Сестра его просто не заслуживает. Она не соответствует такому красивому мужику с положением в обществе, статусом, деньгами, идеальной внешностью. Зачем мне другой? Я заслуживаю самого лучшего, пока молода, красива и могу дать ему всё, чего не может она!

— Верно, верно, — соглашается Лилька. — Марусь, ты уже забыла, как мы с седьмого класса мечтали переехать из нашего Похвистнево в Самару, найти самых лучших и богатых мужиков, чтобы жить в шоколаде? Ты, зайка, громче всех кричала, что вообще метишь в столицу.

Похвистнево — крошечный городок в ста двадцати семи километрах от Самары, населением чуть больше двадцати шести тысяч человек. Глушь возле реки Большой Кинель, с двумя школами, железнодорожной станцией и домом культуры, которым так городятся местные. Даже клубов нормальных нет! А рестораны застряли в девяностых. Ужасное

место, в котором нам с подругами пришлось родиться, расти, и из которого мы мечтали выбраться как можно скорее. И сбежали после девятого класса, поступив в колледж, лишь бы выбраться в город покрупнее.

— Да, потому что я хотела учиться в столице. А мужчина… Я хочу только по любви, с тем, кто свободен…

— Любовь? Глупость для наивных девчонок, — глаза Лильки насмешливо сверкают, а губы растягиваются в подобии ехидной усмешки. Маруся удручённо качает головой, вздыхая, будто сожалея, что вообще завела этот разговор. А Лиля продолжает:

— Вот почему с нами четвёртой закадычной подруги Верки нет? Потому что дура! Была королевой школы, всё при ней: сиськи, задница, личико смазливое. Помните, какие у неё ухажёры были, когда мы начали в выходные в Самару ездить? А она взяла и залетела от нищего Володьки на выпускном! Ну не идиотка ли? Вместо того, чтобы переехать с нами, влюбилась и осталась в глуши с ним. И? Какое у неё будущее? Рожать от него каждый год, толстея, старея и покрываясь растяжками? А после декрета идти по стопам своей матери в колбасный цех, пока её нищеброд собирает копейки на заправке?

Я сразу же соглашаюсь, активно кивая головой, с искренним удовольствием наблюдая за реакцией третьей подруги. Как же тяжело жить в обществе… Я считаю себя очень умной. И часто кажется, что меня окружают беспросветные

глупышки, как Вера или блаженные люди, как Маруся. Порой задумываюсь: как же сложно мне, такой пробивной и сообразительной в этом мире.

Жизнь Веры, по моему мнению, напоминает сущий кошмар, где бывшая одноклассница разрывается между дешёвыми подгузниками и платой за такую же дешёвую квартиру без дизайнерского ремонта. И, переборов собственное отвращение к этой глупой девчонке, что выбрала одноклассника, а не нормального мужика, я представляю, как она стискивает зубы и терпит ради ребёнка.

Маруся, тем часом, поджимает губы, одаривая нас с Лилей по очереди возмущённым взглядом, и пытается возразить:

— Вера любит его!

— Ага, и что за любовь такая, когда денег на косметолога нет? Сидит, зарывшись в грязные пелёнки, ни няньки, ни поездок на Мальдивы. Ездила летом к родителям, встретились на улице. Страшно смотреть! Дешёвый сарафан с распродажи на «Вайлдберриз», коляска не новая, после родственников, а волосы все секутся. Денег на восстановление после родов нет, считайте, прощай молодость. К чертям такую «любовь».

— А я вижу другое. Вера счастлива. Они с Володей любят друг друга, он её и дочку на руках носит, пылинки сдувает, пускай и живут небогато, с любимым и в шалаше рай.

— Зайка, тебе хоть кол на голове теши, — насмешливо приподнимает брови Лиля, скривив лицо. — Встретишь та-

кого мужика, как у Тинки, поймёшь, о чём мы тебе говорим. Никакая толстая тётка в виде жены не остановит. А пока что лучше прислушайся к подругам, авось мозги на место встанут, поумнеешь.

Я довольно улыбаюсь на слова Лильки, а Маруся и вовсе обиженно отворачивается.

— А ты, Тина, не слушай её. Я полностью на твоей стороне. Сбей уже спесь со своей глупой сестры, чтобы осознала собственное положение. И забери то, что по праву твоё. Напиши ему прямо сейчас.

Молча киваю, стараясь не думать, чем закончится моя победа. Да, она права. Этим и стоит заняться. Беру телефон и печатаю смс-ку:

«Дорогой, пока твоя бамбула занята своими тортиками, встретимся на открытии твоего ресторана. У меня для тебя сюрприз!»

Всё. Дело сделано. Теперь можно расслабиться до встречи с сестрой и получить удовольствие от общения с подругами, даже несмотря на занудство Маруси.

Рёбрышки очень неплохи, а ягодный соус и груша на камамбере просто пальчики оближешь.

Облепиховый чай тоже хорош.

А фундаментальные изменения в моей жизни — просто великолепны. И я уже в предвкушении. План простой и надёжный. В мыслях. Как будет в реальности предсказать сложно. Но я справлюсь. Потому, что Александр мой. И точ-

ка.

Глава 4.

Милава.

Смотрю на монитор не отрываясь, и, наверное, даже не моргая, пока внутри разрастается чёрная дыра.

Флешка с УЗИ выпадает из рук. Что это такое? Какого чёрта? Беру в трясущиеся руки свой телефон. Набираю мужа. Гудки, тишина. Что происходит? Это шутка? Или у него есть любовница? Как же так… Как же он мог, после восьми лет брака… Я же беременна…

Звонок в дверь, прерывающий тишину, такой же громкий, как стук моего сердца.

Едва держась на ногах, иду открывать. Неужели опять свекровка без спросу заявилась? Мать Александра любит это дело. Приезжает всегда неожиданно, а потом устраивает ревизию по квартире и в холодильнике. То мяса для Саши мало, «голодом сыночка морю», то суп недосолен, то свекла в борщ слишком крупно нарезана. А если найдёт пыль где-то за шкафом — пиши пропало, ведь «ужасная невестка хочет, чтобы Сашуля стал аллергиком».

Но на пороге неподвижно стоит та, кого я меньше всех ожидаю увидеть. Белая юбка сильно выше середины бедра, тонкая, полупрозрачная фиолетовая рубашка, через которую прекрасно виден бюст в кружевном бюстгальтере, каштановые волосы собраны в густой высокий хвост, лёгкое чёр-

ное пальто накинуто на плечи.

Замираю, и, вероятно, совсем перестаю дышать. В груди сдавливает, что полноценный вдох сделать не получается. Голову сжимает в тисках странный, тревожный звоночек. Моргаю. Затем ещё раз. Лишь бы убедиться, что мне не мерещится.

— Здравствуй, Милава, — произносит девушка, неотрывно взирая на меня. В её светло-карих глазах какой-то нездоровый блеск, вызывающий ещё более отвратительное предчувствие у меня.

Кристина, младшая сестра по моему отцу. Узнала я о ней, когда Тина сама же и написала в социальной сети. Мне было семнадцать, а ей одиннадцать.

Я даже не знала, что он изменял маме! Зачем-то рассказала ей сразу. Мать, сильно переживала, но на удивление, продолжила делать вид, как будто ничего не произошло. А я чувствовала себя просто отвратительно, не понимая, зачем мне пишет эта девочка, как узнала обо мне, как вообще принять то, что отец в командировке заделал внебрачную дочь.

Понимала, что она всего лишь ребёнок, но от этого было не легче. Казалось, будто мне самой одиннадцать лет, и меня предал папа.

А Кристина постоянно писала, казалось, хотела дружить, рассказывала о каких-то своих ссорах с подружками. И переписка с ней была для меня мучительна. Первый раз прервала общение с сестрой, когда одиннадцатилетний ребёнок

на моё сообщение о том, что я не могу постоянно ей писать, ведь учусь и у меня есть своя жизнь, ответила: «А папа всегда на меня время находит!»

Я снова ощутила себя брошенной отцом, ведь на меня он никогда времени не находил, даже учитывая то, что жил со мной и мамой, а Кристину видел пару раз в год. Я злилась, понимая, что девочка ни в чём не виновата. Но если тебе всего семнадцать, и внезапно появляется какая-то сестра, к которой ты не была готова — это сложно.

Второй раз прервала общение и с ней, и с отцом, когда узнала, что папа хочет отправить сестру, с которой я не общаюсь, жить ко мне, чтобы она поступила в колледж в Самаре. Я тогда только замуж за Сашку вышла. Послали его с мамой в пешее эротическое.

Лена, моя подруга, ещё тогда не верила, что сестра в одиннадцать лет сама додумалась найти меня и написать. Говорила, что её мать надоумила, считая, что внезапные внебрачные родственники либо к наследственным тяжбам, ведь двушка в Самаре сама себя не поделит, либо к разводу родителей, чтобы отец ушёл в другую семью. И став старше, я всё больше убеждалась в том, что мать Кристины накручивает её. Потому что единокровная сестра, кажется, жила по принципу: «Если в кране нет воды — это Милины труды, если в кране есть вода — Мила справила нужду туда».

В последний раз мы с ней увиделись случайно спустя много лет, всего полгода назад, потому что умер отец и пришлось

делить квартиру, ведь завещания он не оставил.

А сейчас она здесь. Откуда адрес взяла? И чего ей, собственно нужно?

— Не хочешь узнать, зачем я пожаловала? И пригласить меня к себе, ради приличия?

Нет, не хочу. Секунды текут одна за другой, мысли лихорадочно мечутся в голове, усиливая тревогу до предела. А у сестрицы взгляд хищницы, кошки, увидевшей мышь. И ощущение, что это только начало. Что «кошка» не собирается ловить свою «жертву» сразу, мол: играй, а я буду неподалёку, пока ты не расслабишься.

— Заходи, — произношу слишком резко, но с достоинством, хотя грудь продолжает сдавливать предчувствие чего-то нехорошего, опасного.

Кристина, оттеснив меня плечом, неторопливо просачивается в прихожую, даже не разувшись, глядя с торжествующей улыбочкой. Определённо чувствует себя хозяйкой положения.

— Где у тебя тут гостиная?

— Проходи на кухню.

— Что ж, кухня, так кухня, — глаза сестры опасно загораются, а острые ногти вцепляются в сумочку. — Красивая квартирка, Милава. Муж купил? Четыре комнаты, да?

Поджав губы, я разворачиваюсь и шагаю перед ней в направлении кухни, игнорируя вопросы и усаживаясь на стул за столом, на котором всё ещё находятся некоторые кондi-

терские инструменты.

— И имея такую квартирку, ты всё равно забрала половину отцовской?

Сестра садится следом напротив меня и гордо расправляет плечи. Недовольством сочится её тон.

— Забрала? В той квартире я родилась и прожила с ним и матерью всю жизнь.

Я шумно дышу, понимая, какие манипуляции пытается использовать Кристина, и от этого становится всё труднее держать себя в руках.

— Тебе всего всегда было мало, сестрица, — она цокает и неодобрительно качает головой. — Ты забрала у меня всё, думая, что можешь быть лучше меня. А теперь я имею полное право забрать всё у тебя. ***Я беременна. От твоего мужа.***

Глава 5.

Милава.

Плохо? Больно? Невыносимо? Нет. Мне никак. Совсем. Пусто. Как будто я та самая бутылка сока, что утром мной же была выкинута в мусор — испитая до последней капли. Пусто. Или я просто ещё не осознала, а боль придёт позже?

— Шутишь?

— Я похожа на шутницу? — возмущается Кристина, скрестив руки на груди.

Поджимая пухлые губы, щедро намазанные помадой, она довольно громком топает каблуком туфли по полу. Вытаскивает из сумки снимок УЗИ, показательно кладя его передо мной на стол. Мои руки почти начинают трястись, а сердце сжимается в груди. Пожалуйста, пусть она сейчас скажет, что это шутка! Идиотская, не смешная, но шутка. Потому что в голове всё ещё не укладывается, что сестра может говорить это всерьёз.

— Не веришь, да? — с каким-то злорадным удовлетворением хмыкает Кристина, определённо замечая моё побледневшее лицо. — Тогда откуда мне знать, что у Сашеньки шрам на правой ягодице в форме полукруга?

Шрам. Да, шрам имеется. В детстве его укусила соседская собака. И выглядит он именно так, как она описывает. Кажется, вот-вот накроет. Потому что сердце предательски

пропускает через себя удары, пульсацией отдавая в голову, которая, к слову, и без того туманна.

— Как долго?

— О, уже полгода. Как увиделись на тогда в нотариальной конторе, так сразу влюбились.

Кристина смотрит на меня с таким самодовольством, что становится не по себе.

— Тебе всё так легко доставалось. Даже удивительно. Как такой мужчина обратил внимание именно на тебя? Чем ты это заслужила? Я ***лучше*** тебя. Встреть его первой… Но сразу поняла, что понравлюсь ему больше. Или ты думала такого мужчину, как Субботин, всю жизнь будет устраивать толстуха вроде тебя?

Да. Не худышка. Сколько себя помню, всегда была пухлой. И надо мной постоянно издевались в школе. В начальных классах давали обидные прозвища, смеялись, когда я неловко сдавала нормативы по физкультуре, постоянно пытались задеть в столовой.

Никогда не понимала, чем заслужила подобное отношение. Я же просто пухлая. При этом всё такая же неглупая, вполне интересная, симпатичная, с хорошим чувством юмора. Но никто даже не пытался узнать, интересный я человек или нет. «Толстуха Мила», вот и всё.

Каждое моё утро в школе начиная с восьмого класса проходило без завтрака. Обед без обеда. Ужин без ужина. Я пыталась питаться одной водой и по дурости верила в то, что

это поможет похудеть, а значит, стать счастливой. Постоянно врала маме, что «поела у подруги», чтобы та не приставала с ужином. А ласковое: «я твои любимые пирожки испекла», заставляли меня на время сдаться и отведать пару штук, а потом винить себя всю ночь, плача в подушку.

Так, я прожила до девятого, а потом поступила в колледж на повара-кондитера, и у меня появились друзья, а с новым кругом общения и небольшая любовь к себе. Потом я встретила Александра, работая в своей первой кондитерской. Никак не могла поверить, что такой красивый мужчина мог влюбиться в меня. Я же пухлая. Зачем ему я, если он мог овладеть любой, даже самой идеальной и привлекательной девушкой? А Саша звал меня ласково «булочкой», «пирожком», и восхищался формами, заставив меня поверить, что я действительно привлекательна.

И правда ведь, что там какие-то восемьдесят два килограмма, вместо привычных обществу шестидесяти, когда миловидное личико без единой морщинки смотрит с отражения из-под длинных ресниц? Грудь красивая, объёмная. Живот, конечно, есть, но зато талия, как у «изящного кувшина» — как любит говорить мой муж. Да и попа вполне себе неплохая.

Но именно моя пухлость стала причиной, почему никто и не подозревает, что я в положении. Сама ведь не замечала долго, пока в один из самых обычных дней на работе в середине сентября, я начала сомневаться, что с моим орга-

низмом всё в порядке. То резко захотелось папайи, осенью, в Самаре, чёрт возьми. То кофе в двенадцать ночи, то аромат свежевыложенного асфальта или тлеющей спиральки от комаров вдохнуть. Через время стало тошнить посреди ночи и поутру. Я всерьёз обеспокоилась своим здоровьем и записалась на приём к врачу.

Почему-то в мою голову никак не приходила разумная мысль о том, что я просто беременна. Ха! Всего лишь беременна. С кем не бывает? Все женщины проходят через это, чем я особенная?

Никто не рождается матерью сразу. Каждой из нас страшно…

И вот, теперь я сижу напротив сестры, утверждающей, что она тоже носит ребёнка от моего мужа.

Смотрю на её УЗИ. Трясу головой, пытаясь отогнать осознание. Нет. Нет-нет-нет. Разве мог Саша так поступить? Изменить, жить двойной жизнью? Разве так поступают люди, когда любят?

А любят ли?..

Он меня предал, растоптал, а я идиотка такая, готовила ему тортик. Класс!

Как же больно. Просто невыносимо.

Почему она, моя сестра? Да ясно почему: яркая, энергичная, с густо накрашенными ресницами и идеально-ровными стрелками, губы полные, акцентированные помадой цвета сливы.

Но вредная, наглая, хамоватая. Зачем она нужна тебе, Саша? Почему именно с ней? Чтобы испортить себе жизнь её воплями? Ради симпатичного личика и стройного молодого тела?

Как же хочется быть эмоционально толстокожей, подавить всё, что подкатывает к горлу. Но подавленные эмоции не умирают, как глубоко ты их не засунь. Всё равно начнёт струиться из каждой клеточки души, стоит лишь дать волю чувствам.

Слишком сложно выглядеть спокойной, и не выдать того, как сейчас больно, ведь внутри всё буквально вопит. Но я должна быть сильной, как никогда. Ради моего малыша.

— И чего ты от меня хочешь?

Кристина лишь самодовольно хмыкает, беря конфетку из вазочки, медленно разворачивая обёртку и откусывая кусочек, при этом неотрывно глядя на меня. Почти закипаю, прилагая неимоверные усилия, чтобы не представлять то, где и как мой муж заделывал ей ребёнка. Какие же сволочи, оба!

— Чтобы ты развелась с Александром.

Её тон такой нахальный, издевательский, словно она желает вывести меня на эмоции, заставить страдать. Или просто уничтожить, избавиться от препятствия на своём пути.

— Даже так? Что-то ещё? — выгибаю бровь я, даже не шелохнувшись, потому что не собираюсь показывать родственнице свою боль и страх.

— Да. Скоро у Сашеньки появится наследник. Поэтому

собирай манатки и съезжай с этой квартиры. Она большая, а ребёнку нужно много места. Пожила восемь лет в своё удовольствие, хватит с тебя. Пора уступить то, что должно было принадлежать мне с самого начала. Ведь, прости, дорогая, если открою тебе эту правду, но я моложе, стройнее, во всём превосхожу тебя. И на роль жены Александра подхожу лучше.

Вот как. Очередная: «я достойна всего мира, но весь мир слепой?» Что ж, подождём, когда она офигеет от реальности. Уступать я никому ничего не собираюсь!

— Давай подытожим. Ты беременна от моего мужа, хочешь, чтобы я с ним развелась и по-тихому ушла из этой самой квартиры, оставив её тебе. Верно излагаю?

— Именно так, Милава. Субботин тебя просто жалеет, поэтому не решается развестись. Кому ты в таком возрасте и с таким весом будешь нужна? Найди в себе гордость, уйди красиво сама, пока он тебя не вышвырнул. Как сестра советую, всё же мы родственники и я желаю тебе добра.

— Нет.

Усмехаюсь, лишь бы выбить из родственницы остатки самообладания.

— В смысле «нет»?!

— В самом прямом.

— Где твоя гордость?! — не выдерживает Тина. От её вопля, я вздрагиваю, сцепляя руки в замок перед собой. — Мы с Субботиным любим друг друга! И напоминаю, я беремен-

на!!!

Снова тычет ноготком в снимок УЗИ. Да сколько можно уже? Не сдержавшись, смахиваю его со стола, и снимок падает на её колени. Лицо сестры моментально перекашивает, а глаза блестят злобой. Она в ярости. В такой, как будто не у меня, а у неё сейчас пытаются отобрать что-то поистине дорогое, принадлежащее только ей.

— Поздравляю. Но есть один нюанс. Я тоже беременна, — непринуждённым тоном говорю я, наблюдая за тем, как ярость в её глазах сменяется шоком и испугом. — И если у вас такая «любовь», то пусть Александр скажет мне об этом сам. До этого я с места не сдвинусь. А теперь пошла вон.

— Ты не смеешь меня выгонять! — верещит она, но из-за стола всё же встаёт. — Это квартира ***моего***мужчины! Отца моего ребёнка!

Хватит с меня, сил больше нет. Вскакиваю со стула и влепляю пощёчину. Кристина, пошатнувшись, тут же касается к покрасневшей щеке. На её глаза наворачиваются слёзы.

— Ты пожалеешь об этом, Милава! Помяни моё слово!

И, развернувшись на каблуках, родственница выбегает из нашей с мужем квартиры, со всей дури хлопая дверью.

Со злости скидываю со стола кондитерские инструменты, выкидываю в мусорку торт и выхожу с кухни. Упав в гостиной на диван, позволяю себе разреветься.

Глава 6.

Кристина.

Прислонив горящую щёку к холодному стеклу в такси, жалуюсь подругам по телефону. Мимо пролетают Самарские улицы, а на душе скребут кошки. Так и подмывает написать Субботину о том, какова его жёнушка на самом деле! Милава корыстная и коварная, а не чуткая и правильная, как казалось! Вцепилась в Сашеньку ради денег и не отпускает.

— Вы можете поверить? Эта бамбула беременна!

— Уверена, зайка, она тебя обманывает. Просто от безысходности ляпнула.

Лиля, как обычно, всеми силами поддерживает меня, развеивая страхи.

Смаргиваю слёзы досады, чувствуя, что так просто сестрице не спущу её выходку. Внутри всё клокочет от злости и обиды. Меня, Тину, она приняла за какую-то… глупую идиотку, несерьёзную любовницу, которая посягнула на её мужа. А то, что это мой мужчина её вообще не волнует!

Всё должно было быть не так! Милава обязана была разреветься, собрать чемодан и свалить в закат, освободив насиженное место под боком Субботина. Что она вообще о себе возомнила?! Почему эта мерзкая тварь всегда мне мешает? Почему не может подвинуться и позволить мне быть счастливой? Разве это так сложно? Разве я многого прошу?

Как же бесит. Отец остался жить с ней, а не со мной. На море всё детство за его деньги ездила она, а не я. Пока сестра жила в большом городе, в уютной квартирке, я влачила существование в области. Папа не смог уговорить её алчную мать, чтобы я поселилась у них, когда поступила. Милава тоже не захотела принять меня к себе. Зуб даю, понимала, что Субботин сразу захочет меня. Эта старая стерва украла у меня всё. Но её время прошло. Настало моё!

— Она мне ещё и пощёчину залепила, представляете? Вместо того, чтобы послушать совета умного человека и гордо уйти, наврала, что беременна. А даже если так, какое мне дело? — продолжая всхлипывать, жалуюсь подругам я. — У меня скоро свой родится. Не мои проблемы, если она пытается удержать мужика ребёнком. Она… вообще старородящая.

— Именно. Даже если и беременна, не факт, что выносит, в её-то возрасте, — соглашается Лилька.

— Первыми поздними родами считаются после тридцати пяти, а ей двадцать восемь… А по данным ВОЗ репродуктивный возраст женщин до сорока девяти, — как бы ненароком напоминает Маруся.

— Ты офигела, Маруся?! Хочешь довести меня до нервного срыва?! — в секунду взрываюсь я.

Злость льётся из всех щелей, даже цензурных слов не нахожу, чтобы выразить все эмоции, что сейчас ощущаю. Только когда Лиля шикает на подругу, я тихо улыбаюсь. Они все-

гда так. Маруська вечно сморозит глупость, а Лиле приходится её осаждать.

— Молчи, Овчинникова. Никому твои знания из «Википедии» не упёрлись! А ты, Тина, успокаивайся. Мы знали, что Милава та ещё мегера. Всю жизнь тебе испоганила. Никакой совести нет. Но ты справишься, зай. Правда, красота и молодость на твоей стороне.

Подружка права, как и всегда. Да только от её правоты ничуть не легче. Сама-то увела богача из семьи, тот жену с детьми пинком выгнал, а её что-то не устроило, и она решила искать кого получше, чтобы не в заезженные Эмираты по горячим турам возил, а в Сен-тропе и Монако. Вот что за несправедливость? Почему кому-то так фартит, но не мне?

Сестрица упёрлась рогом со своим «нет». Думает, Александр — её. Дура. Но я не позволю ей быть рядом с ним. Не отдам. Заполучу любыми способами. Потому что — мой. И никакая толстая тётка с возможным ребёнком в животе мне не помеха.

— Дыши, Тина, дыши. Давай подумаем, как ей отомстить. Ты говорила, что у Милавы есть кондитерская?

— Есть. Вроде даже успешная.

Чуть кривлю губы. Конечно, будь Субботин моим мужем столько лет, у меня бы не только кондитерская была, но и сеть салонов красоты!

— Вот и сделаем её неуспешной! Подпортим клуше жизнь, чтобы уяснила своё место, — тихим, с долей ковар-

ства тоном, предлагает Лиля. — На то и нужны подруги, не так ли? Стоит обдумать план действий.

— Девочки, а это не слишком? — влезает Маруся, спрашивая так, будто за этим должно последовать что-то ещё, но она замолкает. Уверена, сейчас нервно прикусывает губу.

— Слишком? Эта старуха сама нарвалась.

— Она же беременна…

Ох, Маруся опять со своим «правильно». Эта будет жить в ущерб себе, даже если придётся наступить тяжёлым ботинком на горло, лишь бы не причинить «вред другим». Я люблю её, но последнее время подруга меня утомляет.

— ***Если*** беременна. Да и почему мы должны думать о ней, если она не думает о родной сестре, своей плоти и крови? Не сахарная поди, не растает, — громко фыркает Лиля. — Решено. Встретимся завтра и всё обсудим. А пока, Тинка, лучше скажи, как Субботин отреагировал на новость о своём наследнике?

— Никак. Я ему ещё не сказала, вот еду переодеваться и к нему в ресторан.

Не просто «никак». Он мне не ответил. Как Сашенька вообще смеет меня игнорировать? Десять пропущенных и пятнадцать проигнорированных сообщений! Понимаю, что занят, всё-таки деньги сами себя не заработают, но мог бы написать, что ждёт меня на мероприятии, ведь я сообщила ему, что приеду.

План был простым, как швейцарские часы — Милава

должна была либо уйти, либо выгнать Субботина, а в идеале устроить ему скандал с битьём посуды. Он бы понял, с какой истеричкой жил столько лет, а потом пришла бы я. Нежная, любящая, понимающая, утешила б его, приласкала. Сестрица спутала мне все карты!

Придётся теперь делать вид, что к ней и вовсе не ходила. Иначе истеричкой Субботин сочтёт уже меня. А я не собираюсь давать козырь Милаве.

— Умничка. Бери быка за рога. То платье чёрное надень, что для особых случаев. И напиши потом, мы будем ждать!

Точно, Лиля права, как и обычно. Пока пузо не выросло, стоит продемонстрировать Сашеньке мои формы. А показать есть что! Попка упругая, подтянутая, просто шикарная. Грудь небольшая, но крепкая и не отвиснет. В лифчике смотрится великолепно, а что же будет, когда Субботин снимет с меня этот кружевной предмет одежды? И, главное, я — красивая. Всё при мне. Повезло такой родиться, спасибо мамуле.

Страшно быть беременной и превратиться во что-то толстое и бесформенное. Но надо потерпеть. Ради нашего с Субботиным будущего. А потом он обязательно оплатит мне и массажи, и тренера, и новую грудь. Хоть я и не собираюсь кормить, не дура же.

Ах, как чудесно будет, когда он подарит мне на выписку машину. Такую, как другим девицам в социальных сетях. С бантиком и надписью: «Спасибо за сына».

Только-только появившееся хорошее настроение тут же скатывается в ноль, когда глупый таксист сообщает, что не может проехать к моему подъезду, видите ли, слишком узкая дорога, на которой, какой-то олух оставил грузовик. Это, скажите на милость, моя проблема?

Гордо поставив ему одну звезду в приложении, хлопаю дверью и от бедра шагаю к подъезду.

Почему я должна прозябать в Зубчаниновке, на минуту, считающейся самым плохим районом Самары, на окраине города, в трёхэтажном старом кирпичном доме, в однушке, на которую хватило денег после раздела отцовской квартирки, с видом на ветхий частный сектор, когда сестрица кайфует в четырёхкомнатной квартирке в историческом доме, в Ленинском районе, с видом на площадь тридцатилетия победы, монумент славы и Волгу?

И не на такси ездит, и уж тем более не на автобусе, а на собственной машине! Ещё и по выходным зависает на даче с видом на горы Жигули!

Зайдя в свою квартиру, со злости на жизненную несправедливость, швыряю сумочку в дальний угол спальни, сбив лампу с прикроватной тумбы и пнув ногой дверцу доисторического шкафа, заставляя ту жалобно заскрипеть. Издевательство! Каждый день сплошное издевательство, но сегодня — полнейшее!

Ну ничего. Скоро я всё исправлю. В ресторане Субботин от меня не отвертится.

Глава 7.

Кристина.

Чёрное платье на меня не налезло. Вроде живота ещё нет, а эта беременность уже мотает мне нервы. Пришлось придумывать новую стратегию: вместо сексуальности, буду брать нежным невинным образом.

Звук от каблуков моих красивейших туфель громко разлетается по дорожке, ведущей к ресторану. Держу себя эффектно, в не менее эффектном платье, что скрывает лёгкое пальто. Белый кружевной наряд мягко струится по моим изгибам, подчёркивая все прелести фигурки. Плечики невинно обнажены, что должно сделать образ ещё более прелестным. Лёгкие локоны спадают по плечам, а макияж, подчёркивающий юность, мерцает в вечернем свете. Не хватает только кольца на безымянном пальце, поблёскивающего россыпью бриллиантов. Ну ничего, и это скоро будет!

Хоть на подиум, хоть на обложку. Красотка. Субботин не сможет устоять. Милава-то, так выглядеть не сможет уже. Ушло время её молодости, впрочем, даже молодой она была толстой, а значит, непривлекательной.

Не зря, любимый не взял её на открытие ресторана. Уверена, здесь мужики с молодыми губастыми красавицами, хвастают друг перед другом их силиконом и драгоценностями. А сестрицей не похвастаешься. Какое на неё платье налезет?

Безразмерное? Партнёры засмеют. А вот мной хвастать можно и нужно.

Зайдя в холл ресторана, замираю от того, насколько здесь роскошно. Дорогие украшения, женщины в шикарных нарядах, мужчины в костюмах по заоблачным ценам, вышколенные официанты, снующие с подносами туда-сюда, и огромная хрустальная люстра, свисающая с потолка, освещающая зал. Сразу видно — заведение высшего класса! И мне очень нравится это место. Как будто создано для меня!

Как только Субботин избавится от своей бамбулы, мы обязательно будем ходить в его рестораны каждые выходные. Я уже представляю, как коллеги и партнёры любимого будут пускать слюни и умирать от зависти, видя меня. О, как приятны размышления о высоком статусе и будущем богатстве. В голове так и встаёт картинка, как я прихожу сюда, и громко бросаю этим несчастным официанткам: «Сию же минуту подайте мне тыквенный латте на миндальном молоке с двумя ложками коричневого сахара и одним нажатием сиропа с корицей, и не смейте смотреть в глаза жене владельца!»

И что, если это не кофейня, а ресторан? Ради меня и латте введут, и какао, если пожелаю!

Обязательно нужно будет уволить всех молодых девиц, у которых в голове только постель. Знаю я этих официанточек, так и покушаются на богатых клиентов в надежде найти мужа! А Сашенька с его собственным офисом, ресторанами в нескольких крупных городах и карьерным ростом — мечта.

Каждая хочет заполучить его.

Конечно, сначала в выходные мы будем плавать в его загородном доме в бассейне, а уж потом в ресторан. Придётся там всё перестроить на мой вкус, потому что у сестрицы он отсутствует. Слишком много пастельных оттенков, слишком всё светлое. Сейчас в моде, вообще-то, стиль лофт, но откуда ей знать?

Предпочтительнее, конечно, купить новую дачу, да. Определённо. Ещё больше и дороже. Потому что я и наш ребёнок достойны только самого лучшего.

Поныв, что Субботин точно не в основном зале, кокетливо улыбаюсь охране на входе в другой зал, сообщая, что я спутница Александра Субботина и уже собираюсь продефилировать за дверь, но один из неграмотных амбалов смеет меня останавливать!

— Ваше приглашение.

От такого нахальства я даже теряюсь. Пока в голове зреет гневная тирада, двоечник, что не смог найти работу получше, снова подаёт голос:

— Зал для обычных гостей сзади вас. Этот закрыт на мероприятие.

— Не слышал? Я спутница вашего владельца! Он меня ждёт!

— Не положено без приглашения. Нам о вас не сообщали.

— Нет, ну это просто невообразимая наглость! — возмущаюсь я, сейчас больше походя на фурию, чем на нежную

деву.

А когда охранник предлагает подождать, чтобы уточнить у Субботина, точно ли тот меня ждёт, вообще выпадаю в осадок. Точно знаю, что, став женой Сашеньки, тут же уволю этого козла!

Часы на стене отсчитывают секунды, которые кажутся целой вечностью. Я жду, долго. Заламываю пальцы, ощущая, как внутри ощутимо нарастает тревога. Нет, ну это издевательство, если честно! Докатилась, стою беременная, жду мужика, вместо того, чтобы отдыхать где-то в СПА! С чего он решил, что может так пренебрегать мной?

В конце концов, Субботин выходит из зала, являясь передо мной. Он выглядит в точности, как в нашу первую встречу у нотариуса. Держит руки в карманах брюк и глядит равнодушно.

— Ты что здесь забыла?

— Я же писала, что приду.

— А я тебе не ответил. Разве это не значит, что я тебя не ждал, ***свояченица?***

Мне кажется, что на меня выплёскивают ушат ледяной воды. Я так и стою посреди просторного коридора, хлопая ресницами, безмолвно открывая и снова закрывая рот, пытаясь осмыслить услышанное. А Субботин, сверлящий меня взглядом своих тёмных глаз, выглядит слишком жёстко.

— Но у меня для тебя сюрприз!

Он не торопится реагировать, как будто намеренно тянет

время, чем вынуждает испытывать раздражение, и я обиженно поджимаю губы, одним своим видом пытаясь донести до мужчины своё недовольство. Но лучше бы я не слышала, то, что будет дальше:

— Неинтересно. Разве я не дал тебе денег, чтобы ты свалила в закат?

Ха! Денег? Да разве ж это деньги? Копьё! Мне хватило только на сумочку, новые туфли и поездку в Египет. Ну да, в самый дорогой отель. Но это всё! У него этих денег куры не клюют, сестрица вон купается в роскоши! А я, на минуточку, будущая мать его сына!

— Я беременна.

Лицо Субботина сохраняет абсолютную невозмутимость. Он приподнимает брови, насмешливо спрашивая:

— От кого?

Что?! Да он сума сошёл?! Я просто задыхаюсь от возмущения! Он серьёзно намекнул на мою «неразборчивость» прилюдно?

— От тебя!

Чуть ли не впечатываю ему в лицо снимок УЗИ с заключением врача, чтобы удостоверился, что дата та самая! Но Субботин будто вообще забывает про моё существование и даже не реагирует. Как будто не было ничему между нами! Пальцем пренебрежительно отталкивает бумажки, словно специально демонстрируя своё отношение ко мне.

— Саша, ты не рад? У тебя будет ребёнок. Ты же хотел

детей!

Шепчу я, с трудом сдерживая слёзы, задаваясь вопросом: почему Субботин такой бездушный? Почему бы ему хоть немного не притвориться, что он рад?

Или он просто не может показать это на публике? Наверное, так и есть. Наверное, тут есть всякие чопорные семьянины. Из-за них Сашенька так себя и ведёт.

— Да, хотел. Но не от тебя. Убирайся.

— То есть как? — глупо переспрашиваю я, всё ещё предпочитая думать, что у меня просто слуховые галлюцинации.

Субботин ведь не может просто так игнорировать своего наследника и требовать, чтобы я ушла? Хотя эти стальные нотки в голосе просьбой не назвать. Чистой воды приказ.

— Вот так. Детей я хочу только от жены. Не от тебя. Сколько дать на аборт? — чеканит он, окидывая меня таким взглядом, как будто я одна из тех голодранцев, шастающих по улицам и посмевшим просить у него милостыню.

— Но, Саша… Сестра не родит! А я — да! Уверена, у нас будет сын, твой наследник! Я тебе двух таких рожу, нет, трёх, да хоть с десяток, с прекрасной генетикой, без склонности к ожирению!

— Замолкни, — холодно бросает Субботин, безразличием в своём голосе, заставляя что-то внутри меня пойти тонкой паутиной трещин. — Не смей больше показываться мне на глаза.

— А ты не смей винить меня, Субботин! Хочу напомнить,

что изменил ты толстухе по собственной воле!

— Закрой свой грязный рот. И выметайся отсюда.

— А если я не хочу?! Ни аборт, ни уходить?! — слова, срываются с вмиг пересохших от волнения губ, и ударяются в его широкую спину, обтянутую дорогой тканью пиджака.

Нет, Субботин, ты не смеешь вот так разворачиваться и уходить, даже ни разу не взглянув на меня! Не позволю!

— Это не обсуждается, — он почти рычит, поворачиваясь обратно и стремительно сокращая разделяющее нас расстояние, нависая, подобно скале. — Я уже говорил, что не хочу тебя больше видеть. И мне глубоко плевать на бастарда в твоём животе.

— Я буду рожать! — упрямо вскидываю подбородок, скрещивая руки на груди, дабы не осталось сомнений, что я стану бороться и отстаивать своё право до последнего. — Думаешь, исчезну? Не-а. Я так не думаю. И если не хочешь, чтобы твоя бамбула узнала о нас, купишь мне квартиру. Наш ребёнок заслуживает лучшего. Завтра же подберу варианты и приеду к тебе в офис, понятно?!

Так-то, любимый. Ты привыкнешь. Смиришься. Раз хочешь поиграть в верного мужа, играй. Я подожду, пока ты сам прибежишь к нам. А пока, квартира это меньшее, что ты можешь для меня сделать.

Глава 8.

Александр.

Ещё в двадцать три сказал бы, что люблю стройных длинноногих и длинноволосых брюнеток с широко распахнутыми наивными голубыми глазами. Но иногда, или даже зачастую вкусы, принятые считаться за «типаж» меняются. Надоедают, либо же хочется чего-то свежего и нового. А может быть, дело совершенно не в этом?

Все мои представления о женщине, на которой я буду готов жениться и быть с ней всегда, ревностно оберегать и охранять, как драгоценное сокровище, разрушились в тот миг, когда я увидел Милу впервые.

Я встретил её в начале сентября, и она показалась красивее всех красок осени на улице. Это был четверг или пятница, в мельчайших подробностях не помню, но даже спустя восемь лет, прикрыв веки, я вижу её прекрасные серые глаза, которые излучали что-то светлое и приветливое, но таили в себе необузданную, скрытную страсть. Носик, усыпанный солнечными веснушками, такими, которые появляются после лета и загара, придававшие её лицу ещё большую индивидуальность.

Крепкое телосложение, в сочетании с аппетитными округлыми широкими бёдрами, полной грудью, словно две дыньки, и соблазнительным изгибом талии, сразу же зацепили

мой взгляд. Пусть и в белой поварской форме, всё прелести были на виду, хочешь не хочешь, а засмотришься.

Я всегда считал, что любовь с первого взгляда — бредятина из мелодрам, которые любят смотреть школьницы, нуждающиеся в эмоциях, постельных сценах и максимально нереалистичном хэппи-энде. Думал, пока не увидел Милу. Единственную и неповторимую.

Понимание того, что она — та самая, наступило в одну секунду и укреплялось каждый день, когда я стал посещать кондитерскую, где она работала. Тогда ещё не жена нравилась мне так сильно, что я напоминал себе игривого щенка, виляющего перед ней хвостом. Никогда и ни с кем ещё так себя не вёл, чтобы рваться после работы на всех парах, лишь бы встретить её и провести времени как можно больше вдвоём.

Дни превращались в недели, а недели в месяцы. В свои двадцать пять с лишним я знал, что со временем чувства притупляются, а страсть угасает. Но с Милой я этого не ощущал. Каждое свидание было как первое. Вновь и вновь раздевая её, складывалось впечатление, что я впервые вижу тело любимой женщины, словно это снова наша первая ночь. Это были лучшие отношения. И я понимал, что, скорее всего — последние в моей жизни. Поэтому познакомил её с мамой.

Мать — женщина одинокая, вырастившая и поднявшая меня в одиночку. Иногда чрезмерно драматичная, но всё-таки мама — святое. И я многим ей обязан. Впрочем, даже я

не ожидал такую эмоциональную реакцию на Милу:

— О, явился. На звонки не отвечает, сообщения не читает, хотя мать его двое суток рожала!

Нотки раздражения в прищуренных глазах Раисы Федосеевны, стоящей на пороге, что метали молнии в мою сторону, смешались с потоком негодования, обрушившимся на меня, потому что я провёл сутки вне дома с любимой.

— Уже двое? Было же двадцать часов, — шутливо отмахнулся я, зная, какой упрямой бывает женщина, явившая меня на свет.

— Не любишь больше маму? Решил у этой своей девки поселиться?

Опять двадцать пять. Я испуганно обернулся на Милу, желая спрятать её за своей спиной, но любимая неуверенно выглянула, смущённо кусая губы, тушуясь, когда мама начала ещё больше злиться.

— Мам, я уже взрослый, у меня могут быть свои дела?

— Ну конечно, вырос, мать уже не нужна!

— Мы вчера дома виделись.

— Всё! Маму ты предал, съехал, на вот эту вот пигалицу променял! Лишу тебя наследства, будешь знать!

Из-за её слов я ощущал искреннее сожаление, что Милаве пришлось стать свидетелем этой сцены. Губы любимой, кажется, немного подрагивали. А щёки покрылись малозаметным румянцем.

— Мам, хватит так о ней говорить! Я люблю её. А ты лю-

бишь меня. И так со мной не поступишь.

— Я твою мать лучше знаю, она мстительная женщина!

— Ну мамулик. Может у меня быть личная жизнь, в конце концов?

— Не знаю, у мамы спроси. А, забыла, ты её предал!

Произнеся это с напором, мать зашла обратно в квартиру, захлопнув дверь прямо перед моим носом.

Такое себе знакомство. И я почти разрывался между матерью и любимой женщиной. А когда спустя год отношений, была вероятность, что Мила беременна, понял: пора жениться. Не из-за беременности, конечно. Я и раньше не сомневался, что хочу связать свою жизнь с этой сладкой булочкой. Меня не пугали ни частые ссоры с матерью, ни разница в статусах и возрасте, ни даже то, что Милава пела в душе. Ужасно, к слову, пела.

Но когда Мила нежилась в моих руках, плавясь от прикосновений, разливая по моему телу тепло и нежность, у меня не было никаких сомнений в верности своего выбора. Ведь таяла не только она, я тоже.

— Ах она беременная?! Притащила в подоле, так и знала! — кричала на меня мама, а после переключила гнев на Милу:

— Сашеньке всего двадцать пять! Ему гулять и гулять, какие дети! У него ещё таких, как ты сотня будет! Квартирка наша понравилась? Так и знай, не пропишу!

— Хватит, мама! — тогда я впервые на неё рявкнул.

Остатки спокойствия растворились окончательно, а чаша терпения переполнилась. Никто не смел оскорблять мою женщину. Даже собственная мать. — Я сказал, что мы женимся, значит, мы женимся.

— И почему это я не могу высказать свои переживания о том, с кем собирается разделить свою жизнь мой единственный сын? Она тебе не пара!

— Я уже миллион раз повторял это, но повторю в миллион первый: я выбрал её. Точка! — демонстративно опустив руку на талию любимой, я прижал её ближе к себе, как будто бы это должно было подкрепить мои слова и сделать их более весомыми.

— Вот как заговорил?

Мама выглядела так, будто готова свалиться в обморок. Схватившись за сердце, она осела на диван.

— Ох, сыночка, вызывай скорую, у меня давление!

И всё же мамины истерики не сработали. Хоть Мила оказалась не в положении, мы поженились. И жили счастливо восемь лет, даже несмотря на их крайне натянутые с матерью отношения и провальные попытки завести ребёнка в последнее время.

А теперь… Теперь я пожинаю цену мимолётной ошибки, а малолетняя лярва буквально держит меня за яйца, грозясь разрушить всё, чем я дорожу.

Хорошо, что Мила не пошла сегодня со мной, сославшись на плохое самочувствие. Иначе было бы совсем плохо.

Чёрт, чёрт, чёрт! Сев в машину, бью кулаком по рулю, а потом запускаю руки в волосы, с силой сжимая их, в надежде почувствовать хоть что-то, кроме чувства вины, царапающего изнутри грудную клетку.

Я всё испортил. Или ещё нет?

Нужно срочно ехать домой. Так и поступаю, совершенно не ожидая, какая сцена застанет меня на пороге.

— Убирайся, Саша! Не хочу тебя видеть! — кричит жена, не заботясь о том, что соседи могут нас услышать. Внутри всё холодеет. ***Она знает?***

— Успокойся, послушай меня…

— Нет! Уходи! — голос Милы срывается.

— Я всё объясню!

— Объяснишь адвокату!

Мне бы бежать за ней, просить прощения, пытаться объяснить, но я лишь стою у порога, наблюдая, как моя жена скрывается за дверью, и я снова остаюсь один на один со снедающей виной. Хочется кричать от бессилия и собственной глупости.

Дверь снова отворяется, и я стараюсь сфокусировать рассеянный взгляд на той, кого я совершенно не ожидаю увидеть.

— М-мама?

— Разве я тебя так воспитала, сыночек? Поженился на Милке против моей воли, так неси ответственность.

Она смотрит на меня с явным скепсисом в глазах, оцени-

вающе, пытаясь уловить малейшие эмоции, я же вижу на её лице нотки разочарования.

— Мам…

— Не хочет она тебя видеть. Дай ей время. А пока езжай на мою квартиру. Завтра нас с тобой ждёт серьёзный разговор!

Не хочет меня видеть. Моя Мила. Эта мысль бьёт в виски, словно гвоздь. Я так крупно облажался, так банально подставился, чёрт его дери!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.